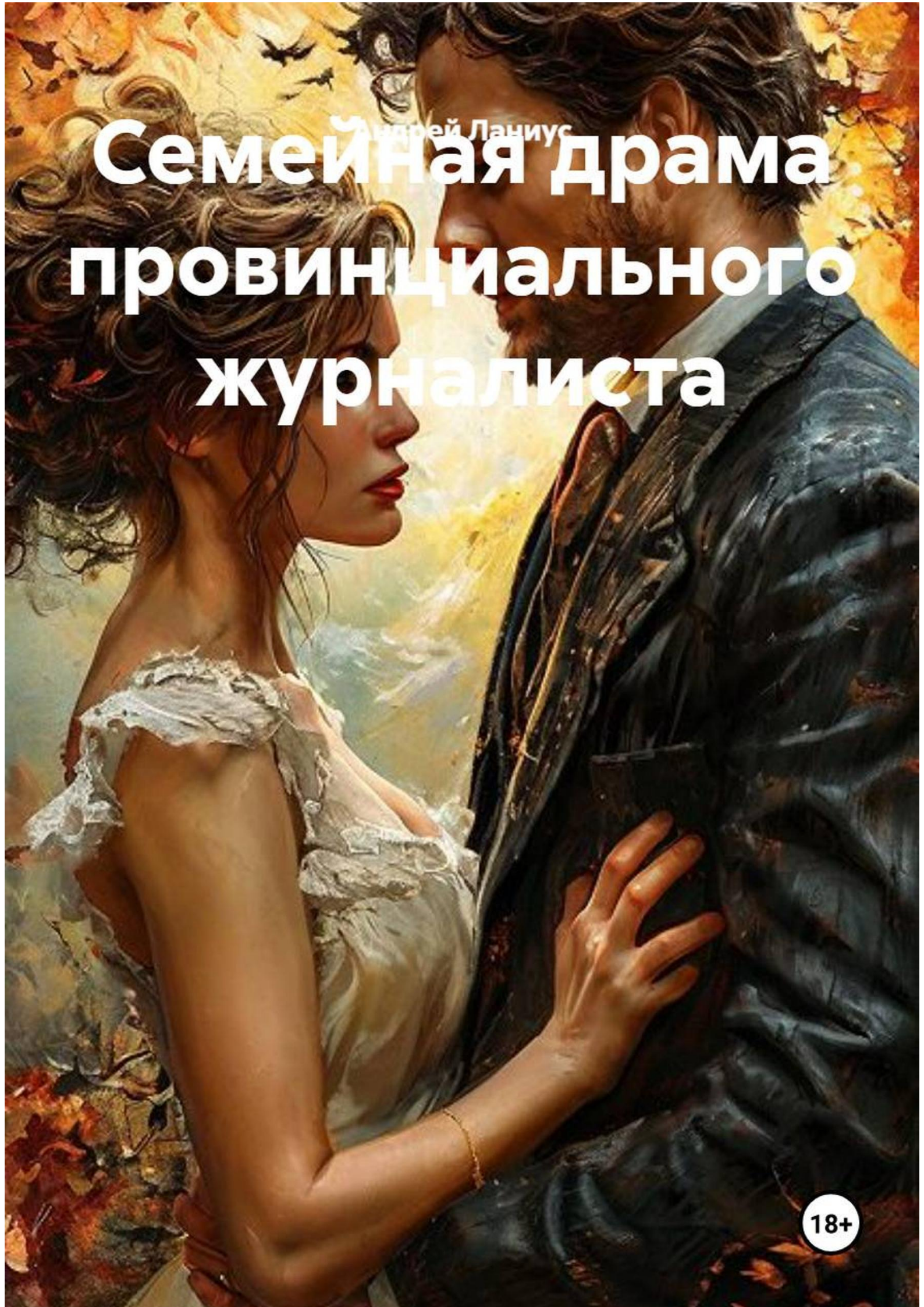

Андрей Ланиус

Семейная драма провинциального журналиста

18+

Андрей Ланиус

**Семейная драма
провинциального журналиста**

«Автор»

2026

Ланиус А.

Семейная драма провинциального журналиста / А. Ланиус —
«Автор», 2026

Писателя и журналиста провинциальной глубоко волнует тема добра и зла, существует ли в мире цель, во имя которой человек может творить зло? Многоплановость произведения позволяет автору исследовать эту "вечную" проблему на конкретных героях в различных ее проявлениях - будь то интимная жизнь персонажа или современные социальные конфликты .

© Ланиус А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Настя	5
Глава 2 " Помолчав одну минуту осторожный журналист..."	7
Глава 3 Я с тобой, тобой! Взгляни же...	8
Глава 4 Есть...	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Андрей Ланиус

Семейная драма провинциального журналиста

Глава 1 Настя

На звонок долго никто не откликнулся. Коробкин уж было подумал, что оказался прав, жена действительно куда-то уехала.

«... с сыном, - подумал он. – Что ж Сын принадлежит ей...»

Сын принадлежит...

Разве может человек принадлежать кому-то одному, принадлежать как вещь, как кукла, как машина, как дача?

Отчего на ум пришло именно: кукла, машина, дача? Почему мысль от сына перебралась на эти символы мещанского благополучия? Он что – против машин, дач? Против чего он? Что его покорило? Разве не он когда-то сам стремился и исподволь приучал жену к мысли о необходимости приобретения этих машин, дач, то есть машины и дачи? Да при чем здесь, наконец, сын – не сын? Ну, Вик действительно не его сын, не родной сын

Когда впервые увидел его крохотным шестилетним мальчишкой, белобрысого, по-детски деловитого, когда он снял его с верхних ступенек вагона и, прижав на мгновение к себе, поставил на землю, испугавшись той доверчивой теплоты, которая дохнула на него от этого недоверчивого, но вдруг ставшего для него таким родным, человеком. Испугался ли он той ответственности, которая с этого мгновения ложилась на него?

Вряд ли. Нет, не испугался. Хотя и мелькнула мысль, вспомнился свой отчим, который вошел в его жизнь, когда он был примерно такого же возраста, как и Вик.

Своего отчима Коробкин называл папой. Он верил, что это его родной отец. Верил до тех пор, пока кто-то открыл ему, что человек этот не кто родной отец, что он ему чужой.

« Чужой! Чужой!» - прозвучало как взрыв бомбы.

Чужой!

Он тогда не понимал, что значит это слово – « чужой», не чувствовал различия между « родным» и « чужим», между папой и отчимом, потому что в отношениях между ним и « папой» все было так, как в других семьях. Разве только то, не поднимал на него руки, даже когда он этого заслужил. Только однажды, играя в войнушку с мальчишками, он кинул гранату – тяжелый ком высохшей глины – и убил курицу дяди Саши, всеми уважаемого плотника, у которого был единственный на всю улицу телевизор с водяной линзой, перед которым каждый вечер собирался весь двор смотреть все от начала до конца. В наказание отчим запер его в кладовке и, на всякий случай и, на всякий случай, чтобы не сбежал, снял с него шорты. Там он простоял до темноты. Не присел, не прилег, а простоял и проревел. Он звал родного отца, который никогда бы не поступил со своим сыном.

Отношение же Вика к нему было не по годам очень ровное, почтительно-сдержанное, уважительно-холодное.

Возможно потому, что и сам Коробкин постоянно контролировал свое поведение по отношению к Вика, контролировал тембр голоса, его оттенки, старался быть справедливым. Именно старался. Делал то, что никогда бы не делал родной отец.

Нельзя – это он понял только сейчас – быть искусственно справедливым, справедливым по расчету.

А ведь он был именно таким.

За дверью послышались шаги. Коробкин снова нажал на звонок.

- Кто там?

- Открывай.

Щелкнул замок, дверь приоткрылась на длину стальной цепочки.

- Слава!

Дверь захлопнулась и через несколько секунд снова открылась.

Настя стояла на пороге, закутанная в пуховой платок, растерянная, сонная.

- Ты как в анекдоте- муж вернулся из командировки. Ты самолетом?

- Поездом.

Они прошли в комнату.

- Что это за поезд? Дополнительный, что ли?

- Не знаю. Наверно

Коробкин прошел в ванную. Надо бы умыться после поездки в поезде..

- Есть хочешь? – Настя подошла к плите, зажгла конфорку. – Могу сварить сосиски. Яйца сварить или... яичницу?

Пока варились сосиски, Настя вынула из буфета бутылку водки «Московская», поставила две рюмки, тарелочку сыра.

Потом принесла газету и поставила на нее сковородку с яичницей, выложила сосиски в тарелку. Оглядела стол и развела руками.

- Все ! Есть еще бутылка фруктового сока!

Он прошел в комнату, открыл свой «кейс» и вскоре вернулся, неся в руках бутылку самаркандского коньяка и коробку шоколадных конфет.

- Ты как всегда в своем репертуаре!- хихикнула Настя. – Мне немного. – Она слегка прикоснулась к рюмке.

Коробкин разлил коньяк.

- Ну, за встречу!

Настя кивнула. Пригубила. Коробкин выпил залпом, поискал глазами, чем бы закусить.

Настя зацепила вилкой сыр, протянула ему, но он отказался, налил себе чашку сока.

Закусил сосиской.

- А ты что не пьешь?

- Не могу пить сейчас, - ответила она.

- Для кого же тогда водка?

Вопрос смутил Настю, щеки ее порозовели.

- На всякий случай, - сказала она. – Не коньяк е мне покупать.

- Когда-то ты считала, что гостю ставят на стол лучшее, что имеется в доме.

Коробкин сжал пальцами лоб, чувствуя в висках болевые уколы.

- Твоя школа, - как –то мерзковато усмехнулась Настя.

- Моя? Ой ли!

Глава 2 " Помолчав одну минуту осторожный журналист..."

Удивительно устроен человек. Когда ему хорошо в одиночестве, он ударяется в воспоминания. И какими бы они ни были, те картины –веселые, печальные – он одинаково спокойно перелистывает страницы жизни- и ему хорошо.

Впрочем, то же происходит, когда человеку плохо. Только теперь он оказывает в одиночестве даже в толпе, даже в компании близких. Он вновь блуждает в лабиринтах памяти и получает допинг, который помогает ему преодолеть тоску, обрести душевное равновесие.

Для Коробкина всесильные допингом была Настя. Ее смех, тихий, многозначительный, он любил, мог им любоваться бесконечно.

В ее глазах – умных, глубоких, как озера ее родных мест в Карелии, к которым она постоянно возвращалась в своих рассказах и стихах – он тонул. Глядя в них, он чувствовал себя то маленьких и беспомощных, то сильным, готовым не преодоление любых преград.

А голос ее Спокойный, уверенный. Он обладал необъяснимой силой и мог опустошить Коробкина. И тогда жизнь ему казалось тяжелым непосильным бременем. Но изменялся тембр, и Коробкин восставал из праха и обретал крылья

И потому верил ей безгранично, привязывался душой сильнее и сильнее, из месяца в месяц, из года в год. Забывая поговорку, которую сам же повторял в кругу друзей: « Если хочешь, чтобы тебя разлюбили, чтобы ты до смерти надоел любимому человеку, донимай его своими признаниями, следуй по пятам , не оставляй одного ни на минуту, и ты с лихвой добьешься желаемого». И затем Коробкин всем советовал почитать рассказ Альберто Моравио « Не пытайся понять» из сборника « Римские рассказы».

Он забыл свои слова. Когда же почувствовал, что между ним и Настей возникла пленка отчуждения – пока еще тонкая, едва ощутимая – испугался. И совершил следующую глупость – стал ревновать. Ревновал, боясь в том признаться даже себе. Ревновал молча, в отдалении, молил избавить его от мучений, приносимые любовью. Любовью ли?

Ударялся в разгулы-загулы

Но облегчение не было. Новые разочарования и опустошение

И тогда он бросал все и летел к ней. И не находил того, что искал. Не было в этих встречах той радости, которую оба испытывали раньше.

Глава 3 Я с тобой, тобой! Взгляни же...

- Ты стал приезжать, не предупреждая.
- Я очень торопился тебя увидеть, Настя!
- Ну,ну!

Она подставила щеку для поцелуя. Холодным равнодушием веяло от нее. И холодной, мертвой была щека, к которой он прикасался губами. Настя сейчас была похожа на панночку из «Вия».

И неуютно, и холодно было в квартире, которую он считал, в которой поселился, по ее собственному утверждению, его дух.

Теперь его не стало. Это он видел, чувствовал, знал.

-Как твои дела? Там

Он молчал.

- Говорят, процветаешь?
- А разве мое процветание не касается тебя?
- Я это не ощущаю.

В глазах ее мелькает злой огонек, но Настя умела владеть своими чувствами.

- Ты живешь отдельно, я не знаю, чем ты там занят и кем?

Она делает ударение на последнем слове.

Он смотрит на жену и не узнает. Она говорит ему что-то, но он не слышит, потому что голос у нее чужой.

- Ксантиппа тоже вначале была любящей женой и справедливым человеком.

- Ты не можешь обойтись без красотостей даже перед самим собой!

Она встала, хотела уйти. И он не выдержав закричал с болью и тоской:

- Настя, где ты? Где я тебя потерял?
- Где? Ты забыл уже всё! – глаза ее наполнились слезами. Она сжала зубы, чтобы не разрыдаться.

- Настя!

- Забыл тот проклятый август! Эту девицу с ее невинной улыбкой: «Вы Анастасия Мурзич?»

Она сделала несколько судорожных вздохов.

- Что я тогда должна была сделать, чтобы успокоить, забыть себя? Разбить голову о стенку? Кинуться под колеса самосвала или электричку? Наверное, я так бы и сделала, не вспомни о Вике!

- Настя, я объяснил тебе тогда! – взмолился он, глядя на жену и чувствуя, что слова не трогают.- Я виноват пред тобой! Виноват!

- Я возненавидела тебя!

Глава 4 Есть...

Он молчал. Молчал, хотя все в нем кричало от нестерпимого чувства вины, от страха потери любимого человека, с которым он шел бок о бок не один год, которому он верил, чьими мыслями и советами жил все это время.

« Так! Так! Так! – хотелось возопить ему – В се так и есть, но нельзя же жить с постоянным ощущением вины невозвращенного долга. Жить с этой ношей я больше не могу! Не могу! И потом, разве ничего не сделал для нее, для семьи»

- Давай расстанемся.

Это у него вылетело помимо собственной воли, как само собой. С казал и ужаснулся, сжался внутренне и ожидал ответа.

Как же он будет теперь жить?

Но слова были произнесены. Они обрели вещественность, одушевленность.

- Я тоже так считаю, - она сразу успокоилась, обмякла и неожиданно просветлела лицом.

– Наверное, это самое лучшее решение, которое ты принимал за последние годы.

- Неужели ты так ненавидишь меня?

- Ах, Слава! – на ее лице промелькнула нечто похожее на улыбку. – Не я выбрала решение.

- Настя

- Все! – она словно ставила точку. – Можешь забрать из дома все, что тебе нужно.

- Мне ничего не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.